

УДК 130.2:303.442.4

Инна Голубович

**ГЕРМЕНЕВТИКА ДОВЕРИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА
ПОДОЗРЕНИЯ**

(к третьему тезису А.Н.Роджеро)

В статье рассматриваются возможности обоснования «герменевтики доверия», в рамках которой может быть использован потенциал идей М. Бахтина и М. Хайдеггера. Контуры «герменевтики доверия» очерчиваются на контрастном фоне «герменевтики подозрения».

Ключевые слова: *герменевтика доверия, философия подозрения, любовное созерцание, участность.*

Герменевтическое понимание подходит к тексту с
д о в е р и е м. Понимание предполагает веру /
доверительность.

А. Роджеро

*«Восемь с половиной», или Майские тезисы для
Круглого стола по герменевтике»*

В жаркое лето и в зиму метельную
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон
Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить...

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

А. Блок «Художник»

Будьте всегда сострадательны к познаваемому, вундеркинды.

Уважайте неприкосновенность чужого смысла.

Подумайте, приятно ли было бы вам, если б, вынув из вас вашу суть,
отдали бы ее в другой, враждебный и чуждый вам мозг.

Не трогайте, дети, феноменов: пусть живут, пусть себе
являются ... Но мысль Мудреца не знала сострадания

С. Кржижановский «Катастрофа»

В настоящей публикации я обращусь к проблеме внутренней атмосферы, модуса, тональности, настроя герменевтического опыта и герменевтической практики, к тому, что часто остается за пределами внимания. **Цель исследования** – рассмотреть в этом контексте контуры

«герменевтики доверия». В своем изложении я буду опираться, прежде всего, на работы М. Хайдеггера и М. Бахтина, в которых, как мне представляется, заложены теоретические основы дальнейшей разработки указанной проблематики.

Герменевтическая традиция, как и любая другая научная традиция, состоит из определенного набора теоретико-методологических оснований – мощных несущих конструкций, своеобразных «атлантов» и «кариатид». Именно на них сосредоточено основное исследовательское внимание, их структура и содержание – вот поле главных методологических сражений. Однако, каждую традицию, либо ее вариацию, характеризует также нечто неуловимое, неосоздаемое, некая внутренняя атмосфера, тонус, настрой, ритм, воздух, сердечное биение... Их отличает «невыносимая легкость», но они также необходимы, как и концептуальные «атланты» с «кариатидами». Часто именно эти «неуловимости» в конечном итоге определяют и сам методологический профиль традиции. При этом их куда труднее артикулировать, чем концептуальные основания. Как мне представляется, модус доверия относится именно к подобным неуловимостям герменевтического опыта, а потому заслуживает самого пристального внимания.

А. Н. Роджеро, размышляя о задачах, стоящих перед современной герменевтикой, обращается к анализу ситуаций, требующих особой методологической проработки. Для него это, прежде всего, ситуация «вхождения исследовательского сознания при изучении своего объекта в инокультурный мир. <...> Необходимость приобщения к таким инокультурным мирам, а также результат подобного приобщения – универсализация опыта человеческого существования, освоение человечеством разделенных временем и пространством истории своих собственных (человеческих) сил, свойств и качеств – сообщают гуманитарному знанию то достоинство гуманистического порядка, которое отнюдь не всегда присуще социальному знанию вообще» [13, с. 8]. Внешне этот пассаж именно о герменевтических «атлантах» и «несущих конструкциях» – вхождение в инокультурный мир, универсализация опыта человеческого существования, освоение разделенных историей человеческих сил, гуманистичность гуманитарного знания... Но за всем этим, если читать внимательно, обнаруживается и вопрошание о неуловимостях.

Вхождение в инокультурный мир? Как, в каком модусе, в какой тональности? Универсализация опыта человеческого существования? За счет чего? И не ждут ли нас здесь неосознаваемые нами потери («методология зеркального отображения в инокультурном мире своего

собственного», «понимание иного как узнанного своего», «утрата действительного историзма») [13, с. 18]? Как избежать их, не отказываясь от установки на универсализацию? Гуманистическое достоинство гуманитаристики? Но какова его форма, поза, жест, интонация, какова присущая «гуманистической гуманитаристике» калокагатия? И тогда в игру вступают неуловимости. Доверие – одна из них.

Начнем же мы с контрастирующего фона, на котором и очертим силуэт доверия. Противоположный доверию модус недоверия, подозрительности, казалось бы, также относится к разряду неуловимостей. Однако, как мне представляется, он легче поддается артикуляции, в том числе и благодаря использованию в качестве маскировки «оружия критики», критического мышления. Не стоит ни в коей мере отождествлять критику и подозрительность. С легкой руки П. Рикера в современной философии принято говорить о «философии подозрения», куда зачислены ницшеанство, марксизм, фрейдизм, и таким образом пусть даже неявно отличать подозрение от критики – фундаментальной установки философии и науки. В работе «Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше назвал себя носителем «философии подозрения» [12]. На это обращает особое внимание современный украинский философ Вадим Менжулин, правда в специфическом контексте – анализируя возможности биографического подхода в историко-философском исследовании и говоря о «биографистике подозрения» [11].

Модусы доверия/недоверия можно рассматривать как в ситуации «естественного понимания», «герменевтики повседневности», понимания на уровне обыденного опыта, так и в отношении научной герменевтической практики – попытки постижения текстов и смыслов иной исторической эпохи, культуры. Во втором случае «модус подозрительности» и ориентация на хирургическое вмешательство обнаруживаются у ученого, Мудреца, не знающего сострадания к чужому смыслу, чей «творческий разум» подчинен законам герменевтической триады, сформулированной А. Блоком в стихотворении «Художник»: «понять – закрепить – убить». Отсутствие сострадания к познаваемому и уважения неприкосновенности чужого смысла отличают такой тип герменевтического сознания. О нем пишет Сигизмунд Кржижановский в своем рассказе с симптоматическим названием «Катастрофа» [10], отрывок из которого вынесен в настоящей публикации в эпиграф. «Катастрофическим сознанием» назвал Ж. Деррида «структуралистское сознание» [6, с. 11–12]. В данном случае оно касается не только той или иной версии современного структурализма, а типа сознания в целом – не

любовно-сохраняющего, но расчленяющего, деконструирующего живое до его структур, костяка, скелета.

К презумпциям «философии подозрения» можно отнести следующее: представление лжи как «условия, от которого зависит жизнь» (Ницше), а также культурных норм и институтов как иллюзий, скрывающих иные первопринципы человеческого существования (воля к власти, удовольствие, инстинкт, страх, сексуальность и т. д.); ориентация на «срывание покровов», выход из «ловушек»; анатомирование и препарирование мысли – своей, чужой, инокультурной – во имя обнаружение первоклеточек, первоатомов лжи, заблуждения, предрассудков. Эти позиции определяют и специфическую «герменевтику подозрительности», контуры которой могут стать темой специального исследования. В данной публикации мы лишь обозначаем контрастирующий фон для «герменевтики доверия», обращая внимание на ее двойника-протагониста.

Модус «доверия» (презумпция доверия) по-разному обоснован в различных герменевтических подходах. У основателя универсальной герменевтики Ф. Шлейермахера присутствует исходная романтическая установка всеобщей понимаемости и сообщаемости мира, духовной одновременности понимающего и понимаемого («каждый носит в себе минимум каждого»). Как подчеркивает В. Дильтей, говоря об основаниях концепции Шлейермахера, понимание невозможно «без исходного единства и равенства всего духовного и без изначального единства всех вещей в мире» [7, с. 86]. Здесь даже принцип «понимать автора лучше, чем он сам» не отменяет модуса доверия, поскольку речь идет об общем для всех горизонте понимания. Гадамер указывает, что «дивинационный акт конгенности» (или «дивинационная транспозиция») в герменевтике возможна лишь при признании изначальной связи всех индивидуальностей [5, с. 237–238]. Общий контекст конгенности делает модус доверия «естественным модусом» (по аналогии с феноменологической «естественной установкой»), само собой разумеющимся, очевидным. При этом доверие в зоне универсального смысла дополняется критичностью по отношению к отдельным фрагментам смыслового целого, где, безусловно, возможны недоразумения, искажения, деформации и т. д.

В установке «исторических предрассудков», признания «исторического и герменевтического априори», сообщающего «несообщаемость» различным эпохам, культурам, персонам, универсальность «горизонта понимания» подвергается критике. Изменяется онтологический контекст принципа «понимать автора лучше,

чем он сам». Этот контекст – уже не универсальность понимания, а универсальность непонимания либо частичного понимания, универсальность предрассудочности понимания. Тогда модус исходного доверия чужому смыслу может уступить модусу исходного недоверия, подозрительности. И принцип «понимать автора лучше, чем он сам» формулируется из позиции герменевтического подозрения или превосходства. Здесь «доверие» становится не естественным, а «протиестественным модусом» (опять-таки по весьма приблизительной аналогии с феноменологической установкой). И тогда обретение тональности доверия в герменевтическом акте совершается не благодаря исходным основаниям, «атлантам» и «кариатидам», а вопреки им, уже как парадокс, чудо, дар и даже подвиг понимания. Контуры такой парадоксальной «герменевтики доверия», как мне представляется, очерчены Мартином Хайдеггером и Михаилом Бахтиным. Их варианты – не единственные в современной философско-гуманитарной мысли. Однако в пределах ограниченного объема публикации сосредоточусь именно на них.

Автор и герой в «герменевтике доверия». Диалектика понимания как доверия М. Бахтиным осмысливается в контексте модели «автор – герой» в эстетической деятельности. Эта модель может быть применена и к деятельности герменевтической, хотя бы потому, что в бахтинской концепции объектом (слово, которое сам М. Бахтина не любил!) анализа является текст, прежде всего, текст художественного произведения или иной текст культуры, имеющий подобную структуру. Герменевтика также имеет дело именно с текстами. Как подчеркивает А. Роджеро, «непременным условием герменевтического понимания <...> следует считать представленность подлежащего истолкованию или интерпретации объекта в виде текста. Физическая реализация этого текста несущественна, существенно лишь само это условие – быть текстом или же рассматриваться как текст» [13, с. 14]. А «текст предполагает наличие смысла». Таков первый из «Майских тезисов для Круглого стола по герменевтике», предложенных А. Роджеро. И дело здесь не в оригинальности самой идеи, а в четкости позиционирования базовых констант герменевтического понимания, которое в отличие от просто понимания, «естественного понимания», постоянно осуществляет акты саморефлексии, выстраивает дискурс о себе самом.

Учитывая этот контекст, позволю себе расширительно трактовать бахтинскую модель «автор – герой», разработанную им, прежде всего, для анализа художественных произведений. Однако потенциал этой

модели раскрывается и на иных текстах и не только в специализированной эстетической деятельности.

О носителе смысла, который затем на определенной временной, исторической и культурной дистанции подвергается истолкованию, можно условно говорить как о «герое», герое-акторе понимания. А о понимающем и интерпретирующем «героя» и его смыслы из иной бытийно-исторической ситуации предлагаю говорить как об «авторе», опять-таки осознавая условность такого словоупотребления. В герменевтическом акте, к которому применима модель «автор – герой» в интерпретации М. Бахтина, субъектом доверия выступает автор (для нас – понимающий). Ему в этой модели принадлежит поле эмоционально-волевых реакций, «ценностно воспринимающих и устрояющих» выраженность героя – объекта понимания. В этом контексте М. Бахтин пишет о любви, нежности, жалости, вражде, ненависти. По его словам, эти реакции непосредственно к себе самому неприменимы. Позволим себе считать модус доверия такой эмоционально-волевой реакцией, ценностно и бытийно «устрояющей» выразимость инобытия.

Доверие — завершение – участность. Понимающий «автор», доверяя понимаемому «героя», обеспечивает «завершающее единство целого произведения, лишь автор – носитель «напряженно-активного» единства целого героя и самого произведения» [2, с. 77]. Под произведением следует в нашем случае понимать текст в широком семиотическом и герменевтическом смысле, который был обозначен выше. «Вненаходимость» автора-понимающего, его дистанцированность от ситуации героя-понимаемого может обуславливать разные позиции понимания: понимающий-судья, обладающий правом превосходства в силу своей «трансгредиентности»; понимающий, глядящий сквозь мутное стекло или в замочную скважину – все из-за той же трансгредиентности. В герменевтике доверия, а значит со-участия, «вненаходимость» обеспечивает автору недоступную самому «герою смысла» возможность быть носителем «напряженно-активного» единства целого героя и его произведения-смысла. Открытость события смысла для его носителя обозначается М. Бахтиным как «безысходность». Он настаивает на том, что «исход» не имманентен ситуации, жизни героя, а нисходит от автора в его встречной активности. Автору присущ избыток видения по отношению к герою, от автора нисходит на героя «дар завершения» из иного активного сознания. «Дар завершения» осуществляется, по Бахтину, через трангридентные «милость» («милующее сознание») и «любовь» («любовное созерцание»). Позволю себе достроить триаду и добавить к

«милости» и «любви» еще и «доверие» («доверительную участность»), что, как мне представляется, органично вытекает из подхода Бахтина.

Участность, участливость (Beitdglichkeit) играет существенную роль в «герменевтике фактичности» М. Хайдеггера [14]. Для него участливость – это то, что позволяет «встречать толкующее и означенное как сущее, в вот-бытии», то, что позволяет «вращать» в мир, в том числе мир иного «вот-бытия». «Врасти» в мир, а не «схватить» мир или эмпатически в него «вчувствоваться». О «вот-бытии» М. Хайдеггер пишет: «Быть вот (dasein) в меру бытия означает: первоначально никогда не в качестве предмета созерцания и определения, основывающегося на созерцании, не в качестве предмета одного только ознакомления и осведомленности, но для себя самого вот-бытие есть вот в «как» своего собственного бытия» [14]. К «собственному» относится «выраженность» характера бытия, выявляющая такую фундаментальную составляющую бытия как «выразимость». На это как раз и обращает основное внимание онтогерменевтика. По словам М. Хайдеггера, выраженность соразмерна бытию, он говорит о «бытии выражением» или более развернуто – «присущее чему-то бытие-выражением чего-то». И «фактичность» понимается как нераздельность, нерасчленимость бытийности и выраженности: «...*фактичным* зовется нечто, что *артикулировано из себя самого* в направлении этого характера бытия, существующего *означенным образом*, и таким образом *«есть»* (курсив мой – И. Г.) [14].

Как в герменевтической ситуации встретить иное (смысл, текст, жизнь) не в качестве предмета, а в качестве «вот в «как» его собственного бытия», в качестве «фактичности»? «Собственное» как фактичное не откроется в установке субъект-объектного расчленения («любопытствующего расчленения»), лишь маскирующегося под научное. Оно не может быть «схвачено»: философ предупреждает, что отношение между герменевтикой и фактичностью не есть отношение между «предметным схватыванием» и «схваченным предметом». В онтогерменевтике само истолкование является сущим, чей способ бытия – это способ бытия самой фактичной жизни, это возможное «как» характера бытия фактичности. Может быть, словосочетание «герменевтика фактичности», использованное в русском переводе хайдеггеровских лекций 1923 года, позволительно в рассматриваемом контексте трансформировать в «герменевтику – фактичность»?

Одна из самых сложных задач для «герменевтики фактичности» – сделать доступной «герменевтику-фактичность», пробудиться к видению специфических категорий вот-бытия, задуматься о «способах видения», о «характере встречаемости мира», о «предпосылках, условиях, мотивах

вопрошания, подступа к фактической жизни». Все это из области тех неуловимостей, к которым относится и доверие. Модус доверия как раз и определяет способ видения, условия вопрошания, характер «встречности», позволяющие осуществлять подступы к вот-бытию. Не схватывать *суть*, а достигать актуального присутствия. Совершать смысловое завершение, но оставлять «вот-бытие» открытым иным, но, тем не менее, предначертанным изнутри возможностям. В этом контексте доверие оказывается одной из ключевых для герменевтики категорий.

В не-доверительной (подозрительной) установке, опирающейся на презумпцию превосходства, – своя завершенность, не диалогически учащая, а монологическая. Здесь понимающий «автор» одновременно предстает и «героем смысла». В герменевтике доверия автор не претендует на роль героя, не смеет быть героем, сохраняя позицию «внеаходимости». Еще один вариант псевдозавершенности предлагает рассмотреть Хайдеггер. Это – «публичная истолкованность», соотнесенная с феноменом «молвы». В этом модусе осуществляется схватывание, в котором вот-бытие уже дано заранее, истолкованность навешана, наклеена извне. Здесь позицию видения определяет «наивная очевидность», а способ встречи с иным характеризуется философом как «свойскость». «Бытие выраженным» предстает как «бытие-знакомым» – усредненным, представленным в стандартах (будь то стандарты повседневности или определенной научной парадигмы). «Свойскость» и «наивная очевидность» препятствуют пониманию, через уже-истолкованность формируя псевдопонимание. Они также не дают осуществиться доверию, маскируясь под него. Доверие предполагает доверительность, совместное пребывание в пространстве ближайшего, интимного, непубличного.

Доверие как доверительность обеспечивает иную остроту понимания, иную глубину, иную нюансировку. Курт Верхейл, голландский литературовед, знаток русской литературы, близкий друг Иосифа Бродского рассказывает о своих многочасовых доверительных беседах с поэтом. Вспоминая свое детство, которое пришлось на одно и то же время, но в различных странах и при различных режимах, собеседники неожиданно выяснили, что их обоих завораживали два «культурных героя» эпохи – И. В. Сталин и Тарзан. Смысл этой завороченности, на первый взгляд, открывается сразу («публичная истолкованность», «бытие знакомым») – преклонение перед силой и мощью: политической, физической, сексуальной и т. д. [4, с. 26–28]. Казалось бы, это как раз тот смысл, который разрывает границы капиталистического и социалистического миров, демонстрируя некие культурные инварианты. Но только глубина взаимного доверия позволила выявить существенные

различия в восприятии культовых образов эпохи. Для Иосифа завороченность Сталиным означала отторжение и ощущение тотальности отторгаемого, свою роковую вовлеченность в эту тотальность. В Советской стране, где принято было любить вождя, еврейский мальчик его ненавидел. Ситуация Курта была зеркальной. В стране, где само собой разумеющимся считалось быть настроенными против русских и всего советского, голландский мальчик смотрел на фотографию «человека с усами» с чувством влюбленности и ощущением магической притягательности этого образа. И это чувство, как Иосиф свое, Курт «лелеял в молчании». Очень многое значил для обоих Тарзан. Бродский рассказывал, что Тарзан долгое время определял его отношение к Западу, воплощая дух свободы, индивидуализма, жизнь в полном одиночестве, где никакие законы не писаны. Таким мечтал быть и он. Для Курта сильное увлечение Тарзаном окрашено совершенно иначе: киногерой был, прежде всего, совершенным мужским телом, огромным и обнаженным, движущимся в черно-белой полумгле. Взаимное доверие позволило выйти за пределы «публичной истолкованности» культовых персонажей эпохи. Однако у этого доверия были свои пределы. Курт Верхейл пишет, что не решился рассказать о гомосексуальной подоплеке своего увлечения Тарзаном, а уж тем более Сталиным, своему другу: «Впрочем от стыда и сознания, что Иосиф хочет услышать от меня другое, я сообщил ему лишь то, что я, как и он, в свое время восхищался Тарзаном» [4, с. 28].

Любовное созерцание. Общий смысловой ряд «доверия» – уважение к смыслу текста, неприкосновенность чужого смысла, доверительность, вера, сострадательность, милость, милование, объятие, дар, любовь, любовное созерцание... В контексте «герменевтики доверия» я обращаюсь к идее «любовного созерцания», которую развивал М. Бахтин. В ней он видел не просто эмоциональный настрой, а своеобразный «логос любви», внутренне присущий гуманистике, важнейшую составляющую ее методологии, то, что воплощает высокое «гуманистическое достоинство» гуманитарного знания, о котором писал и А. Роджеро. Рискуно предположить, что такая транскрипция «любовного созерцания» может быть осуществлена и по отношению к герменевтике. Бахтин рассматривает данную проблематику сквозь призму отношений «автор – герой», которую мы также трансформировали в герменевтическом ключе.

О «любовном созерцании» говорится в контексте эмоционально-волевых реакций автора, ценностно воспринимающих и устроющих героя. Эти реакции непосредственно к себе самому неприменимы. Неприменимы, не только этически, но и топологически (экзистенциально-топологически): они могут быть направлены только «от меня в мир», также

как эмоционально-волевая утвержденность моего образа может исходить только «из другого». Принципиальная неравноценность, асимметрия и разнонаправленность Я и другого обосновывается М. Бахтиным и с религиозно-христианской точки зрения: «нельзя любить себя, но должно любить другого, нельзя быть снисходительным к себе, но должно быть снисходительным к другому...» [2, с. 36]. Так принципиальное онтологическое несовпадение автора и героя, в нашем случае автора и героя смысла, Бахтин обосновывает и через проблематику «любовного созерцания». Предлагаю развить идею онтологической асимметрии и несовпадения автора и героя и в отношении доверия: нельзя доверять себе как понимающему, как автору смысла, но нужно доверять «герою смысла». Аванс доверия по отношению к понимаемому обеспечивается предельной критичностью понимающего по отношению к себе самому, необходимостью «самоотчета-исповеди» (также бахтинский термин) о собственных пред-рассудках.

По отношению к герою автор – носитель «дара», «милости», «любовного участия». И для того, чтобы осуществить эту позицию «внеаходимости», ему приходится принести «жертву» устранения себя из жизни и «плоти смысла» героя, очищения всего поля своей жизни и поля собственных смыслополаганий для героя и его бытия, своеобразной феноменологической редукции – вынесения себя за «скобки» жизни и смысла. В комментариях Л. А. Гогтишвили к работе «К философии поступка» подчеркивается, что бахтинский принцип («нравственный первопринцип») «себя-исключения» является концептуальным противовесом «отвлечения от себя», поскольку предполагается такое исключение, которое не только сохраняет участность Я в событии бытия, но и создает максимальную напряженность такой участности [1]. Абсолютное выражение подобной стратегии автора М. Бахтин усматривает в обращении к Христу. Именно в фигуре Христа, как указывает Бахтин, явлена в своем пределе «абсолютная жертва для себя и милость для другого» [2, с. 51].

М. Бахтин находит и форму пространственного, пластического выражения милующей и любовно-участной позиции автора – это объятие. «Только другого можно объять, охватить со всех сторон, любовно осязать все границы его: хрупкая конечность, завершенность другого, его здесь-и-теперь-бытие внутренне постигаются мною и как бы оформляются объятием... только на другого можно возложить руки, активно подняться над ним, осеняя его сплошь всего, во всех моментах его бытия, его тело и в нем душу» [2, с. 39]. «Объятие» как телесно выраженное отношение я к Другому, автора к герою, в частности, как раз и демонстрирует

невозможность занять подобную жизненную и смысловую позицию по отношению к себе самому.

М.Бахтин пишет об особой роли «с детства формирующей человека извне любви матери» [2, с. 47], которая «уплотняет его внутреннее тело», «внутреннюю плоть смысла». Это еще один и, вероятно, самый фундаментальный вариант «объятия» в указанном нами выше смысле, где сливается этическое и эстетическое, экзистенциальное и нарративно/герменевтическое. А если говорить с позиций эстетического оформления жизни на границах ее начала и конца, то следует указать вслед за Бахтиным, что изнутри жизни принципиально не могут быть пережиты события собственного рождения и смерти. Извне событие «рождения» авторски дано оформить именно матери. При этом бахтинское объяснение вовсе не нуждается в отсылках к фрейдизму в том или ином его варианте, оно исходит из эстетического, повествовательного, герменевтического начала и говорит о матери с точки зрения любовно-участной и доверительно-сострадательной позиции автора и понимающего *par excellence*. Через «материнское начало» зона герменевтического опыта смыкается с «жизненным миром». Как я полагаю, стоит всерьез заняться осмыслением возможностей «материнского письма» в герменевтике, увидеть отношения понимающего и понимаемого, автора и героя смысла в контексте синтеза «материнства – сыновства», создающего условия возможности подлинного «любовного созерцания» и бесконечного доверия, в том числе и в герменевтической ситуации.

При этом «материнское начало» не должно напрямую связываться с началом женским в феминистском его понимании. О специфике «женского письма», не тождественного феминистскому или гендерному, размышляет Михаил Эпштейн, анализируя творчество трагически рано ушедшей из жизни Галины Иванченко (1965–2009) – российского философа и психолога (прежде всего, ее книгу «Логос любви») [8, 15]. Феминистское письмо – резкое, часто идеологически ангажированное, утрирующее агрессивные, критические и деконструирующие наклонности мужского письма. «Женскому стилю» Г. Иванченко присуща «нежность и мягкость мысли», «смирennemудрая интонация», «концептуальная открытость». Ее мысль «не столько торопится к выводам, сколько... окружает, обволакивает (обнимает – *И. Г.*) предмет, что представляется самым наглядным и грациозным торжеством женственного начала, не выдуманного, как идеологема, а идущего от полноты бытия женщиной» [15, с. 9]. Я бы добавила – от полноты бытия Матерью *par excellence*. Талантом, даром такого рода «женского» и «материнского письма» – письма доверительного и доверяющего – может обладать не только женщина, скорее даже,

женщина в меньшей степени. А если уж и женщина, то только та, степень внутренней свободы которой позволяет ей преодолеть феминистские и гендерные границы.

По Бахтину, ценностным центром «событийной архитектоники эстетического видения», «конкретной архитектоники видения» [3, с. 5] является человек как любовно утвержденная конкретная действительность. Он подчеркивает, что любовное отношение необходимо освободить от психологического значения и усматривать в нем «принцип эстетического видения». Позволим себе добавить – и герменевтического видения. В целом же речь может идти и о методологически нагруженном «принципе видения» гуманистически ориентированной гуманитаристики в целом.

Уже в ранней бахтинской работе, названной затем «К философии поступка», намечается возможность методологического прочтения принципа «любовного созерцания»: «ценностное многообразие бытия как человеческого (соотнесенного с человеком) может быть дано только любовному созерцанию, только любовь может удержать и закрепить это много- и разнообразие, не растеряв и не рассеяв его, не оставив только голый остов основных линий и смысловых моментов» [3, с. 59]. Требование бескорыстной заинтересованности (как предвосхищающего отношения автора к герою), а затем и бескорыстной любви, любовно заинтересованного внимания по принципу «не по хорошему мил, а по милу хорош», проходит через многие произведения Бахтина. Любовная интонация противопоставляется «равнодушной реакции», обедняющей, схематизирующей мир, игнорирующей единичный предмет, выполняющей в культуре функцию забвения. «Безлюбовь, равнодушие никогда не разовьют достаточно сил, чтобы напряженно замедлить над предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность» [3, с. 59].

Стоит отметить, что в наиболее глубоких современных гуманитарных исследованиях в качестве методологического и этического требования выдвигается призыв к любовному отношению ученого к своим героям – представителям как иных, так и своей эпох. Российская исследовательница Наталья Козлова, изучавшая «повседневные нарративы» советской эпохи, пишет о том, что в научном отношении наиболее плодотворной работа с этим родом «человеческих документов» стала именно тогда, когда она ясно ощутила «любовь к непутевым героям» советской истории [9]. И это не только потому, что как бывший и пожизненный «совок» она разделила с ними общий удел и судьбу.

Доверие как терапия. Ф. Ницше, к творчеству которого мы обращались в контексте «философии подозрения», рассматривал ее как «терапию философии», а себя – «философа подозрения» – видел в качестве врача культуры. «Философ как врач культуры» – название запланированной после «Рождения трагедии из духа музыки», но так и неписанной работы мыслителя. Современная философия, во многом следующая по тропам, обозначенным Ф. Ницше, дала множество образцов философий и философов «подозрения». Как мне кажется, сегодня гораздо большим терапевтическим эффектом будет обладать «философия доверия». Вот только где взять мужество стать «философом доверия»?

Список использованной литературы

1. Аверинцев С. С., Гогтишвили Л. А. Комментарии к: Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: «Русские словари», «Языки славянской культуры», 2003. – С. 358–360.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7–181.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: «Русские словари», «Языки славянской культуры», 2003. – С. 7–68.
4. Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. – СПб.: ООО «Издательство журнала «Звезда»», 2002. – 272 с.,
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. под ред. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
6. Дерида Ж. Сила та значення // Дерида Ж. Письмо та відмінність / Пер. с фр. В. Шовкун. – К.: Вид-во Саломії Павличко «Основи», 2004. – С. 7–65.
7. Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. / Пер. с нем. под ред. В. В. Библихина и Н. С. Плотникова. – М., 2001. – Т. 4: Герменевтика и теория литературы. – С. 15–235.
8. Иванченко Г. В. Логос любви. – М.: Смысл, 2007. – 143 с.
9. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – 544 с.
10. Кржижановский С. Д. Катастрофа // Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 153–160.
11. Менжулін В. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: моног. – К.: НаУКМА; Аграр Медіа Груп, 2010. – 455 с.
12. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов / Пер. с нем. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 256–630.

13. Роджеро А. Н. Герменевтика и научная рациональность (понимание как методологическая проблема культурно-исторических исследований) // Труды семинара по герменевтике (Герменеус).– Вып. 1.– Одесса: Принт Мастер, 1999.– С. 7–25.
14. Хайдеггер М. Онтология (Герменевтика фактичности). Лекционный курс Л.С. 1923 / Пер с нем. И.Н.Инишева // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 14. Німецька феноменологічна традиція у філософії, гуманітаристиці та культурі.– Одеса: ОНУ імені І. І. Мечникова, 2009.– С. 335–442.
15. Эпштейн М. Счастливая книга // Иванченко Г. В. Логос любви.– М.: Смысл, 2007.– С.4–9.

Инна Голубович

GERMENEVTIKA DOVIRI I GERMENEVTIKA

PIDOZRY (Do tre't'ioj tezy O.M. Rodzhero)

У статті розглядаються можливості побудови «герменевтики довіри», в межах якої пропонується використати потенціал ідей М. Бахтіна, М. Хайдеггера та інших авторів. Контури «герменевтики довіри» розглядаються на контрастному фоні «філософії підозри».

Ключові слова: герменевтика довіри, філософія підозри, участність, любовне споглядання

Inna Golubovych

HERMENEUTICS OF THE CONFIDENCE AND HERMENEUTICS OF THE SUSPICION (to the third thesis of A. N. Rogero)

The article is devoted to analyze of the possibility of the “hermeneutics of confidence” construction. It is proposed to use potential of the M. Bakhtin and M. Heidegger ideas. “Hermeneutics of confidence” outline is described on a contrast background “philosophy of suspicion”. The starting point of the analysis is the “third thesis” of A. N. Rogero, which he presented at a roundtable on hermeneutics: Hermeneutic understanding bearing text in the mind with trust. Understanding presupposes faith, credibility and confidence. One of the key positions of the article is the principle of “contemplation-in-love” (M. Bakhtin). This is not just an emotional mood, but the modus of “logos of love”, that is inherent in the Humanities. “Contemplation-in-love” is essential point of the methodology of Humanities, dignity of humanitarian and philosophical sciences.

Keywords: hermeneutics of confidence, philosophy of suspicion, sympathy-thinking, “contemplation-in-love”, methodology of Humanities.

References

1. Averintsev S. S. and Gogotishvili L.A. (2003). Kommentarii k: Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Comments to: Bakhtin M.M. To the philosophy of the act]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenij*. T.1. *Filosofskaya ehstetika 1920-h godov*. Moscow. Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp.. 358-360.
2. Bahtin M. M. (2003). Avtor i geroj v jesteticheskoy dejatel'nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity] *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenij: V 7 t.* T. 1: *Filosofskaja jestetika 1920-h godov*. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 69–263.
3. Bahtin M.M. (2003). K filosofii postupka [To the philosophy of the act]// *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenij*. T.1. *Filosofskaya ehstetika 1920-h godov*. Moscow. Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 7-68.
4. Verhejl K. (2002) Tanec vokrug mira. Vstrechi s Isosifom Brodskim [Dance around the world. Meeting with Joseph Brodsky]. *SPb*. OOO «Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda»», 272 p.
5. Gadamer H.-G. (1988) Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki [Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]/ Per. s nem. pod red. B.N.Bessonova. Moscow: Progress, 700 p.
6. Derida Zh. (2004) Sila ta znachennya [The strength and meaning]/ *Derida Zh. Pis'mo ta vidminnost' / Per s fr. V.S.Hovkun. K. Vid-vo Salomii Pavlichko „Osnovi”* pp. 7– 65.
7. Dil'tej V. (2001) Germenevticheskaya sistema SHlejermahera v ee otlichii ot predshestvuyushchej protestantskoj germenевtiki [Schleiermacher's hermeneutic system and its distinct from the previous Protestant hermeneutics]. *Dil'tej V. Sobranie sochinenij v 6 tt./ Per. s nem. pod red. V.V.Bibihina i N.S.Plotnikova. Moscow. T.4: Germenevtika i teoriya literatury.* – pp. 15–235.
8. Ivanchenko G.V. (2007) Logos lyubvi [Logos of Love]. Moscow: Smysl, 143 p.
9. Kozlova N.N. (2005) Sovetskie lyudi. Sceny iz istorii [The Soviet people. Scenes from history]. Moscow: Izd. «Evropa», 544 p.
10. Krzhizhanovskij S. D. (1991) Katastrofa [Catastrophe]. *Krzhizhanovskij S.D. Skazki dlya vunderkindov: povesti, rasskazy. Moscow. Sovetskij pisatel'*, pp. 153-160.
11. Menzhulin V. (2010) Biografichnij pidhid v istoriko-filosofskomu piznanni [Biographical approach to the historical and philosophical knowledge]: monog. K. NaUKMA; Agrar Media Grup, 455 p.
12. Nicshe F. (1990) Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlya svobodnyh umov [Human, all too human. Book for the free intellectuals]/

-
- Per. s nem. N.Polilova. Nicshe *F. Sochineniya: v 2 t. T. 2. Moscow*. Mysl', pp.256–630.
13. Rodzhero A.N. (1999) Germenevtika i nauchnaya racional'nost' (ponimanie kak metodologicheskaya problema kul'turno-istoricheskikh issledovanij) [Hermeneutics and scientific rationality (understanding as a methodological problem of cultural-historical research)]. *Trudy seminarov po germenevtike (Germeneus). Vyp. 1: Sb. nauch.tr./ Odes. gos.konservatoriya, o-vo «Odesskaya gumanitarnaya tradiciya» Odessa*. Print Master, pp. 7- 25.
  14. Hajdegger M. (2009) Ontologiya (Germenevtika faktichnosti). Lekcionnyj kurs L.S. 1923 [Ontology (Hermeneutics of facticity). Lecture Course LS 1923] / Per s nem. I.N.Inisheva. *Doksa. Zbirnik naukovih prac' z filosofii ta filologii. Vip. 14.Nimec'ka fenomenologichna tradiciya u filosofii, gumanitaristici ta kul'turi. Odesa*. ONU imeni I. I. Mechnikova, pp. 335-442.
  15. Epshtejn M. (2007) Schastlivaya kniga [Happy book]. *Ivanchenko G.V. Logos lyubvi. Moscow*. Smysl, pp.4-9.